

**ОСОБЕННОСТИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОВАЛЬНОГО ОБЫСКА В РОССИИ (XV–XIX ВВ.):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-2-4-10>

Актуальность исследования правовой природы повального обыска в отечественном законодательстве обусловлена необходимостью комплексного историко-правового анализа данного вида доказательств в уголовном процессе, который занимал ведущее место на стадии предварительного расследования в течение нескольких столетий. Исходя из формальной оценки доказательств, законодатель отводил важную роль показаниям так называемых добрых людей, предоставляющих следствие и суду сведения о личности обвиняемого, которые в отдельных случаях могли являться бесспорным доказательством его виновности. Предметом исследования являются особенности правового регулирования повального обыска, а также фактическая практика его применения в Российском государстве (в XV–XIX вв.). Целью исследования выступает выявление особенностей эволюции повального обыска в отечественном законодательстве с точки зрения смены исторических эпох и направленной государственной политики в области предварительного следствия. Методологию исследования образуют формально-юридический, историко-правовой и историко-сравнительный методы. В ходе исследования сделан вывод о том, что повальный обыск на протяжении всего законодательного закрепления в нормативно-правовых актах царской России претерпел существенные изменения. Так, в период образования Русского централизованного государства и начальный период сословного представительства повальный обыск применялся для избличения преступника, не оставляя последнему возможности оспаривать показания «добрых людей». В период абсолютизма повальный обыск приобретает новое значение – с помощью этого доказательства законодатель ограничивает применение пытки. Значительные изменения институт повального обыска претерпевает в течение XIX в. В первой половине этого столетия повальный обыск уже относится к несовершенно виду доказательств и применяется в основном только для оценки личности обвиняемого. В результате Судебной реформы 1864 г. этот вид доказательств трансформируется в «дознание через окольных людей», где существенно изменяется порядок его проведения и ограничивается сфера применения.

ПАРШИНА

Наталья Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Кубанского
государственного университета
(г. Краснодар)

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

**Повальный обыск;
система доказательств;
уголовный процесс;
предварительное следствие;
законодательство**

Natalya V. PARSHINA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Theory and History of State and Law,
Kuban State University (Krasnodar)

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

**FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION
OF GENERAL SEARCH IN RUSSIA (15TH–19TH CENTURIES):
HISTORICAL AND LEGAL DISCOURSE**

The relevance of the study of the legal nature of general search in domestic legislation is due to the need for a comprehensive historical and legal analysis of this type of evidence in criminal proceedings, which has occupied a leading place at the stage of preliminary investigation for several centuries. Based on the formal assessment of evidence, the legislator assigned an important role to the testimony of so-called “good people” who provide the investigation and

**General search;
system of evidence;
criminal procedure;
preliminary investigation;
legislation**

the court with information about the identity of the accused, which in some cases could be indisputable proof of his guilt. The subject of the study is the peculiarities of the legal regulation of general search, as well as the actual practice of its application in the Russian state (in the 15th–19th centuries). The aim of the study is to identify the features of the evolution of general search in the domestic legislation in terms of changing historical epochs and directions of state policy in the field of preliminary investigation. The methodology of the research is formed by formal legal, historical-legal and historical-comparative methods. In the course of the study, it is concluded that the general search throughout the entire legislative consolidation in the normative legal acts of tsarist Russia, has undergone significant changes. Thus, during the formation of the Russian centralized state and the initial period of class representation, a general search will be used to expose the criminal, leaving the latter no opportunity to challenge the testimony of "good people". During the period of absolutism, a general search takes on a new meaning – with the help of this evidence, the legislator restricts the use of torture. The institution of general search underwent significant changes during the 19th century. In the first half of this century, the general search already refers to an imperfect type of evidence and is used mainly only to assess the identity of the accused. As a result of the judicial reform of 1864, this type of evidence is transformed into "inquiry through devious people," where the order of its conduct is significantly changed and the scope of application is limited.

Доказательства в уголовном судопроизводстве являются фундаментом достижения истины при расследовании любого преступления. Понятно, что вся система доказательств в судебном процессе складывалась поэтапно в разные исторические эпохи становления и развития нашего государства. Поэтому небезынтересно обратиться, пожалуй, к одному из самых сложных и противоречивых способов получения доказательств в отечественном уголовном процессе – повальному обыску. Повальный обыск лег в основу розыскного (инквизиционного) процесса в России, просуществовавшего вплоть до проведения судебной реформы 1864 г. Поэтому исследование особенностей его законодательного оформления как раз необходимо проанализировать через призму смены исторических периодов в России, сопровождавшихся изменением не только различных государственных институтов, но и правовых норм.

С позиции эволюции законодательства наиболее значимыми хронологическими этапами в изучении данного вопроса выступает период образования Русского централизованного государства (а именно вторая половина XV в.), который характеризуется принятием Судебника 1497 г., а также период сословно-представительной монархии (в частности, с середины XVI до конца XVII в.), ознаменовавший появление новых нормативно-правовых актов – Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. В эти исторические периоды перманентно происходит становление, закрепление и развитие данного способа получения доказательств в уголовном процессе. Следующим

важным этапом в историко-правовом исследовании повального обыска выступает период абсолютной монархии, когда законодатель не только существенно изменил порядок его применения, но и значительно снизил юридическую силу последнего, что было связано в первую очередь с отменой формальной системы доказательств во второй половине XIX в.

Вообще, повальный обыск представлял собой «допрос под присягой окольных жителей, т.е. ближайших соседей обвиняемого, которые могут знать об исследуемом происшествии и, особенно, о поведении обвиняемого» [1, с. 132]. Впервые повальный обыск находит нормативное закрепление в Судебнике 1497 г. и становится способом обнаружения «ведомого лихого человека». В соответствии с данным памятником права в случае совершения преступления на место происшествия прибывали недельщики с целью розыска преступников. Они производили допрос местных жителей («добрых людей» – землевладельцев, духовенства, зажиточных крестьян) о подозреваемых. Показания пяти-шести детей боярских или целовальников служили основанием для суда взыскивать с «облихованного» человека «истцову гибель бес суда» [2, с. 385]. При поимке преступника с поличным показания «добрых людей» о том, что подозреваемый и раньше был уличен в воровстве – «тать ведомый», – влекли для «облихованного» лица смертную казнь.

Важно подчеркнуть, что законодатель неодинаково оценивал показания свидетелей. Так, если показания «добрых людей» выступали безоговорочным доказательством виновности обвиняемого, то в случае,

когда свидетелем по делу выступал тать (вор), его показания подвергались проверке. В данной ситуации устанавливалось, имел ли обвиняемый «прирок с доводом», т.е. не совершал ли он ранее преступление. При наличии доказательств этого факта обвиняемый подвергался пытке. В. И. Сергеевич по этому поводу отмечал, что «показать что-либо с доводом, значит сказать, что такой-то человек ограбил тогда-то и такого-то человека, ограбленное отнес в такое-то место и т.д.» [3, с. 619–620]. Если же подозреваемый, в отношении которого свидетельствовал вор, ранее не совершал преступления, его отдавали на поруки до выяснения всех обстоятельств с помощью повального обыска.

В первой половине XVI в. формируется губное управление, которое широко применяло повальный обыск на местах. Фактически губные учреждения представляли собой органы уголовной юстиции. Они наделялись властью царскими грамотами, в соответствии с которыми осуществляли судебные функции. Для этого население отдельной местности избирало органы губного управления – губных старост и губных целовальников, в чьи полномочия входило расследование преступлений, совершенных «ведомыми лихими людьми» посредством использования различных розыскных методов. Первоначально губное право распространялось только на разбой, но со временем губным учреждениям стали подсудны дела о душегубстве (убийстве), краже с поличным и других видах преступлений.

В дореволюционной литературе отмечается, что «повальный обыск в губном производстве имел двойное значение: с одной стороны служил поводом для начала сыскного дела, с другой – судебным доказательством» [4, с. 48]. Так, например, согласно нормам Белозерской губной грамоты 1539 г. «повальный обыск» применялся для изобличения уже известных «лихих людей». А в случае если и пособник преступника был признан в результате повального обыска «ведомым лихим человеком» [5, с. 201], то он подлежал тем же санкциям, что и исполнитель преступления, – телесному наказанию и смертной казни.

В период сословного представительства в России правила ведения повального обыска продолжали регламентироваться в губных грамотах и новом Судебнике 1550 г. В частности, согласно нормам Медынского губного наказа 1555 г. при производстве повального обыска в нем принимали участие представители духовенства, приносящие присягу согласно религиозным обычаям. Итоги повального обыска отражались в протоколе, с указанием подписей всех лиц, которые участвовали в его проведении. Судебник 1550 г. наряду с собственным признанием относил повальный обыск к основному виду доказательств. И если по Судебнику 1497 г. пытка применялась только к оговоренно-

му или оговоренным татем лицам, то уже в Судебнике 1550 г. ей подвергались все обвиняемые в краже с поличным, изобличенные в результате повального обыска. К тому же по нормам нового Судебника число допрашиваемых «добрых людей» было увеличено до 10–20 человек (по Судебнику 1497 г. достаточно было опросить 5–6 человек). Повальный обыск считался большим, когда производился в пределах от 15 до 20 верст, и малым, когда такой обыск проходил в пределах места жительства подозреваемого, т.е. опрашивались его ближайшие соседи.

Надо сказать, что повальный обыск широко применялся при расследовании преступлений против государства. Здесь интересен пример из практики применения этого доказательства, который упоминает в своей работе дореволюционный юрист В. В. Сокольский. Так, в 1647 г. «жена... Федьки Лободы Арина говорила на пирушке «непригожие речи» на Великого Государя; на нее подан был извет и на очной ставке она повинилась, оправдываясь однако ж случившимся с ней тогда припадком падучей болезни. Вследствие этого повелено было обыскать... *всякими людьми* страдает ли она падучим недугом... По исходу обыска и приказано было вершить дело» [6, с. 111].

В то же время «как доброе мнение общины о подсудимом не давало ему полного освобождения от взыскания, так и доброе мнение не имело полной обязательной силы для судьи...» [7, с. 135]. Повальный обыск служил безусловным доказательством только в случае, если наряду с признанием подсудимого «лихим человеком» «добрые люди» обвиняли его в совершенном преступлении или когда имелись улики, достаточные для признания «облихованного» виновным. При этом собственное признание было достаточным основанием виновности лица в преступлении. В таком случае повальный обыск не проводился.

Повальный обыск получает свое дальнейшее закрепление и в нормах Соборного уложения 1649 г. Но здесь результаты повального обыска разрешалось оспаривать [8, с. 154]. Заинтересованная сторона могла доказывать, что большинство опрошенных лиц дали ложные показания. В этом случае для свидетелей, дающих противоположные показания, проводилась очная ставка. Если представители меньшинства не уличали большинство во лжи, то они могли договориться о применении пытки. Ложные показания и отказ от показаний строго наказывались. Так, характеризуя нормы повального обыска в Соборном уложении 1649 г., правовед Г. Г. Тельберг подчеркивал, что в этом нормативно-правовом акте «заметны уже черты недоверия законодателя к показанию обыскных людей... здесь интересы власти, ее спокойствие и безопасность затрагиваются слишком непосредственно, чтобы она могла судебную защиту их поста-

вить в зависимость от показаний обыскных людей» [9, с. 209]. Вообще, повальный обыск зачастую вел к злоупотреблениям со стороны тяжущихся сторон. Наглядным выступает следующий случай, имевший место в XVII в.: «Один челобитчик созвал к обыску из дальних мест до полутора ста человек, вовсе не знавших спорной пустоши, и целых три дня поил их; а в это время писались обыски; обыскные люди не знали, что писали, а попы и приказчики, к чему прикладывали руки» [10, с. 416].

В XVIII в. повальный обыск утрачивает прежнее значение в уголовном процессе. Сам Петр I не рассматривал его в качестве основания виновности лица в преступлении без дополнительных доказательств. Интересно, что применение повального обыска было существенно ограничено и в начале XIX в. после отмены императором Александром I такого способа получения доказательств, как пытка [11].

Повальные обыски использовались только в двух случаях: во-первых, когда нужно было собрать сведения о поведении подсудимого; во-вторых, когда требовалось уяснить такое обстоятельство, которое могло быть известно всем или многим жителям одного и того же места [6, с. 149]. Такие основания упоминались и в Своде законов Российской империи 1832 г. Законодатель закреплял, что повальный обыск мог быть малым, когда допрашивались «ближние окольные люди», и большим, когда наряду с первыми допросу подлежали и «дальние окольные люди». Все допрашиваемые лица приводились к присяге в церкви либо в домах следственных комиссий или следователей. Закон устанавливал круг лиц, которые устранялись от дачи показаний: безумные и сумасшедшие, глухонемые, малолетние до 15 лет, дети против родителей, крепостные люди, отпущенные на свободу, по делам их бывших помещиков и др. (ст. 260, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи). Важно отметить, что повальный обыск относился к несовершенному виду доказательств (ст. 339, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи), т.е. такому, которое не исключало «возможности к показанию невиновности подсудимого» (ст. 307, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи). Кроме того, Свод закреплял, что «никто не может быть осужден без точных доказательств или явных улик в преступлении» (ст. 304, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи). Лицо, осуществлявшее проведение повального обыска, было обязано «обыскивать в правду, другу не дружить, а недругу не мстить» (ст. 266, Т. XV, кн. II Свода законов Российской империи) [12].

Также при проведении повального обыска требовалось соблюдать установленные правила, в том числе: не давать «обыскным людям» так называемых обыскных писем, где бы могли содержаться указания, какую оценку дать личности подсудимого; «обыскные

люди» обязаны были говорить только правду «не боясь никого, и ни оказывая никому пристрастия»; допрос каждого из «обыскных людей» осуществлялся порознь; помещиков было запрещено допрашивать вместе их с крепостными крестьянами.

С помощью таких правовых норм законодатель стремился к получению объективных и беспристрастных сведений со стороны «обыскных людей». При этом обвиняемый, с помощью улик, имел право опровергнуть их показания. Если, например, большая часть «обыскных людей» давала порочащие показания в отношении обвиняемого, а он был не согласен с их доводами и указывал, что правдивые сведения представила меньшая часть от общего числа допрашиваемых, то тогда из каждой половины выбирали по одному человеку из «лучших людей» и, «поставив их с очей на очи», органами дознания исследовалось, чье показание справедливое. Кроме этого в случае дачи заведомо ложных показаний «обыскные люди» подвергались уголовному наказанию. Число «обыскных людей» для допроса в отношении одного обвиняемого могло достигать 100 человек. В соответствии с нормами Свода законов Российской империи свидетелем давались, например, показания следующего характера: «Отставной Коллежский Секретарь Василий... Соколов поведения хорошего, потому что я никаких неприличных поступков за ним не замечал, и ничего такого, что могло бы приносить ему бесчестье, за ним не знаю, что и показываю по долгу принятой мною присяги» [13, с. 186]. Уложение о наказаниях уголовных исправительных 1845 г. также регламентировало проведение повального обыска, в то же время устанавливая уголовную ответственность за дачу ложных показаний в отношении обвиняемого. Такие лица подвергались тюремному заключению на срок от трех до шести месяцев (ст. 1171) [14, с. 483].

В ходе судебной реформы повальный обыск преобразовался, согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., в «дознание через окольных людей», список которых формировался по жребию в количестве 12 человек. Однако показания свидетелей больше не являлись основополагающим доказательством виновности обвиняемого. «Окольные люди» имели право давать разъяснения только о «занятиях, связях и образе жизни обвиняемого...», а также в случае, «если сей последний в показаниях своих...» по делу «сошлется на окольных людей» (ст. 454 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) [15, с. 126]. При этом обвиняемый имел право заявить отвод не более чем двум окольным людям без объяснения причин (ст. 463 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Любопытно, что такой способ получения доказательств в XIX в. оценивался современниками весьма негативно: «...с какой стороны ни рассматривать дознание через окольных людей, как следственное действие, необходимо при-

знать, что оно никакой существенной практической пользы делу не приносит, а скорее даже оказывает вред, бесцельно замедляя следствие» [16, с. 55]. Кроме того, «значение этого средства следственного действия умоляется еще тем обстоятельством, что применяется оно не по производству всех уголовных дел, а только тех, по которым производится предварительное следствие, так что мировая юстиция вовсе лишена возможности пользоваться им» [17, с. 355].

Таким образом, реформа 1864 г. закрепила новые принципы и стадии судопроизводства в России, стала значительным шагом в усовершенствовании

предварительного расследования. Повальный обыск как формальное доказательство по сути остался пережитком прошлого. Теперь «голос народа» в суде представляли присяжные заседатели, имевшие гарантированное право до вынесения вердикта в отношении обвиняемого изучить все допустимые доказательства, представленные суду как прокурором, так и присяжным поверенным. Это обеспечивалось принципами равноправия и состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, принципами, которые законодательно закреплены и в современном Российском государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Устимович М. П. Записки военного судопроизводства для юнкерских училищ. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1865.
2. Памятники русского права. Вып. 3 : Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1955.
3. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910.
4. Шалфеев Н. П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб. : Тип. Морского министерства, 1868.
5. Памятники русского права. Вып. 4 : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства: XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1956.
6. Сокольский В. В. Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев : Унив. тип., 1871.
7. Чебышев-Дмитриев А. П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань : Тип. Университета, 1862.
8. Памятники русского права. Вып. 6 : Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. М. : Госюриздат, 1957.
9. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912.
10. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М. : Унив. тип., 1859.
11. Именной указ, данный Сенату «Об уничтожении пытки» от 27 сентября 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. 26. № 20022.
12. Свод законов Российской империи. Т. 15 : Законы уголовные. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.
13. Правила и формы для производства следствий, составленные коллежским советником Е. Ф. Колоколовым, по Своду законов издания 1857 года. М. : Унив. тип., 1859.
14. Уложение о наказаниях уголовных исправительных. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1845.
15. Полный толковый судебник гражданских и уголовных российских законов всех 16-ти томов с указанием о том, в каком томе и в каком отделе, в случае надобности, всякому свое дело следует искать : Государственные законы Российской империи по судебным уставам императора Александра II / сост. частным поверенным Жемчужниковым под редакцией юристов Лунина и Сергеева. М. : Тип. И. П. Малышева, 1901.
16. Алякринский С. А. Схема предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства с разъяснениями Правительствующего сената, циркулярными распоряжениями Министерства юстиции и руководящими положениями юридической литературы. М. : Изд. юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1912.
17. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913.

References

1. *Ustimovich M. P.* Notes of Military Proceedings for Cadet Schools. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co.'s Printing House, 1865.
2. *Cherepnin L. V. (ed.)*. Monuments of Russian Law. Issue 3: Monuments of Law of the Period of Formation of the Russian Centralized State: 14th–15th Centuries. Moscow: Gosiurizdat, 1955.
3. *Sergeevich V. I.* Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1910.
4. *Shalfeev N. P.* On the Statutory Book of the Robbery Order. St. Petersburg: Maritime Ministry Printing House, 1868.
5. *Cherepnin L. V. (ed.)*. Monuments of Russian Law. Issue 4: Monuments of Law of the Period of Strengthening of the Russian Centralized State: 15th–17th Centuries. Moscow: Gosiurizdat, 1956.
6. *Sokolskii V. V.* The Main Moments in the History of the General Search. Kiev: University Printing House, 1871.
7. *Chebyshev-Dmitriev A. P.* On a Criminal Act According to Russian Pre-Petrine Law. Kazan: University Printing House, 1862.
8. *Sofronenko K. A. (ed.)*. Monuments of Russian Law. Issue 6: The Cathedral Code of Tsar Alexey Mikhailovich of 1649. Moscow: Gosiurizdat, 1957.
9. *Telberg G. G.* Essays on the Political Court and Political Crimes in the Moscow State in 17th Century. Moscow: Imperial Moscow University Printing House, 1912.
10. *Dmitriev F. M.* History of the Courts and Civil Appeals from the Justice of Laws Prior to the Establishment of the Provinces. Moscow: University Printing House, 1859.
11. Nominal Decree Given to the Senate "On the Destruction of Torture" on 27 September 1801. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. St. Petersburg, 1830. Collection I. Vol. 26. No. 20022.
12. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15. Criminal Laws. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857.
13. Rules and Forms for the Production of Investigations, Compiled by the Collegiate Adviser E. F. Kolokolov, According to the Code of Laws of the Publication of 1857. Moscow: University Printing House, 1859.
14. The Code on Punishments of Criminal Correctional. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845.
15. *Zhemchuzhnikov (comp.)*. A Complete Explanatory Sudebnik of Civil and Criminal Russian Laws of All 16 Volumes with an Indication of in Which Volume and in Which Department, If Necessary, Everyone Should Look for Their Own Business: State Laws of the Russian Empire According to the Judicial Statutes of Emperor Alexander II. Moscow: I. P. Malyshev's Printing House, 1901.
16. *Aliakrinskii S. A.* Scheme of Preliminary Investigation under the Statute of Criminal Proceedings with Explanations of the Governing Senate, Circular Orders of the Ministry of Justice and Guidelines of Legal Literature. Moscow: Edition of the I. K. Golubev's Legal Bookstore "Pravovedenie", 1912.
17. *Sluchevskii V. K.* Textbook of Russian Criminal Procedure. Judicial System – Legal Proceedings. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1913.